

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ ECONOMICS AND MANAGEMENT

УДК 911.9

DOI: 10.37490/S221979310021835-1

Н. В. Гонтарь

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: passat01@mail.ru

ЦЕНТРО-ПЕРИФЕРИЙНОСТЬ «МОРСКИХ» ТРАНСГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИДЕНТИФИКАЦИИ И ФОРМИРОВАНИЮ СИСТЕМЫ МОНИТОРИНГА

*Повышение роли «морской» составляющей экономики России и сопряжённая с развитием приморских регионов трансграничная регионализация выступают факторами трансформации центрo-периферийных отношений в России и на её рубежах, что делает актуальным анализ факторов и трендов соответствующих процессов. Цель статьи — концептуализация центрo-периферийности в «морских» трансграничных регионах, выявление особенностей их **центрo-периферийной структуризации**, формирование подходов к организации системы мониторинга соответствующих процессов. Предметом исследования стали предпосылки и формат трансграничной регионализации, их преломление в условиях морского трансаквального регионогенеза, и подходы к идентификации и формированию системы мониторинга.*

В статье обоснована дифференциация трансграничного взаимодействия и трансграничного регионогенеза, предложена система индикаторов «зрелого» трансграничного региона, предпринят анализ взаимосвязи центрo-периферийного статуса и позиций в трансграничном взаимодействии. Предложена система проекций трансграничного взаимодействия и трансграничной регионализации на трансграничные формы сотрудничества и пространственную центрo-периферийную структуру. Выявлены особенности центрo-периферийного структурирования трансаквального трансграничного регионогенеза с учётом специфики, налагаемой морскими бассейнами. Предложены разделы и индикаторы системы мониторинга центрo-периферийной динамики в «морских» трансграничных регионах. Разработка системы мониторинга и моделирования формирования центрo-периферийных структур «морских» (аквальных) регионов призвана быть «встроенной» в систему федерального и регионального менеджмента с целью долгосрочного повышения эффективности использования морского потенциала и ресурсов трансаквальной регионализации.

Ключевые слова: центрo-периферийность, трансграничные регионы, система мониторинга, трансаквальное взаимодействие, регионогенез.

Благодарности. Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-28-00022, <https://xn--mlafn.xn--plai/project/22-28-00022/> в Южном федеральном университете.

Для цитирования: Гонтарь Н. В. Центро-периферийность «морских» трансграничных регионов: концептуальный подход к идентификации и формированию системы мониторинга // Псковский регионологический журнал. 2022. Т. 18. № 4. С. 71–89. DOI: <https://doi.org/10.37490/S221979310021835-1>

N. V. Gontar

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: passat01@mail.ru

CONCEPTUAL APPROACH TO IDENTIFYING THE CENTRO-PERIPHERY OF “MARITIME” TRANSBOUNDARY REGIONS

The increase in the role of the “maritime” component of the Russian economy and the cross-border regionalization associated with the development of coastal regions are factors in the transformation of central-peripheral relations in Russia and at its borders, which makes the analysis of factors and trends of relevant processes relevant. The purpose of the article in this regard is to conceptualize the center-periphery in the “maritime” transboundary regions, to identify the features of their center-peripheral structuring, and to form approaches to organizing a monitoring system for relevant processes. The subject of research in this regard was the prerequisites and format of transboundary regionalization, their refraction in the conditions of marine transaqual regionogenesis, and approaches to the identification and formation of a monitoring system.

The article substantiates the differentiation of transboundary interaction and transboundary regionogenesis, proposes a system of indicators of a “mature” transboundary region, and takes an analysis of the relationship between the central-peripheral status and positions in transboundary interaction. A system of projections of cross-border interaction and cross-border regionalization on cross-border forms of cooperation and a spatial center-peripheral structure is proposed. Features of centro-peripheral structuring of transaqual transboundary regionogenesis were revealed, taking into account the specifics imposed by marine basins.

Sections and indicators of the system for monitoring central-peripheral dynamics in “offshore” transboundary regions are proposed. The development of a system for monitoring and modeling the formation of central-peripheral structures of “marine” (aqua) regions is designed to be “integrated” into the system of federal and regional management in order to long-term increase the efficiency of using the marine potential and resources of transaqual regionasilation.

Keywords: *centro-periphery, cross-border regions, monitoring system, transaqual interaction, regionogenesis.*

Acknowledgments. *The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-28-00022, <https://xn--mlafn.xn--plai/project/22-28-00022/> at the Southern Federal University.*

For citation: Gontar N. V. (2022), Conceptual approach to identifying the centro-periphery of “maritime” transboundary regions, *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 18, no. 4, pp. 71–89. DOI: <https://doi.org/10.37490/S221979310021835-1>

Введение. Разнообразие форм соразвития стран и регионов на глобальном уровне включает формирование сравнительно более тесных связей стран и регионов, схожих по уровню развития либо близких пространственно. Такое взаимодействие принимает форму транснациональной регионализации, которая дополняет и трансформирует центр-периферийную структуру. Одновременно, трансграничные регионы характеризуются собственной центр-периферийной структуризацией [6], которая принимает особую форму в трансаквальных трансграничных регионах (анализу которых в последнее время были посвящены исследования коллективов П. Я. Бакланова, А. Г. Дружинина, Г. М. Фёдорова [1; 7; 20]), формирующихся с опорой на «морскую» составляющую их положения, хозяйственной структуры и связей. Усложнение центр-периферийных процессов ставит задачу идентификации центр-периферийной структуризации в условиях «морских» трансграничных регионов, и формирования подходов к созданию соответствующей системы мониторинга.

Цель исследования — выявление особенностей центр-периферийной структуризации «морских» трансграничных регионов и выработка предложений по её мониторингу на основе анализа устойчивых закономерностей центр-периферийной динамики и с учётом их преломления в условиях морского трансграничного регионогенеза.

Изученность проблемы. Проблематика трансграничной регионализации в зарубежных исследованиях формировалась в условиях ослабления торговых барьеров во второй половине XX в., нивелирования барьерной функции границ, проявления интеграционных трансграничных процессов на мезо- и микроуровне, что сопровождалось сдвигом исследований процесса от индустриальной теории роста к теории эндогенного роста в 1970-х и 1980-х гг. [36]. Сегодня исследования сосредотачиваются как на отдельных кейсах трансграничного сотрудничества, так и на обобщении опыта трансграничного строительства в ЕС. Анализ широкого спектра инициатив в этой сфере позволил при этом, например, С. М. Johnson [30] отметить запутанную картину текущих региональных инициатив ЕС как следствие появления и исчезновения приграничных регионов в ответ на изменение политических приоритетов и макроинституциональных источников финансирования. Также отметим анализ с акцентом на структуру, значение и эволюцию трансграничного сотрудничества в ЕС у J. Kaucic, C. Sohn [31], J. B. Harguindeguy, A. S. Sanchez [29]. Процессы трансграничной интеграции активно исследуются и применительно к другим макрорегионам (Америке, странам Азии и Африки), с акцентом как на общие закономерности, так и на менее теоретически осмысленные (несмотря на обилие эмпирики) форматы такового (пример такого рода — анализ трансграничных региональных инновационных систем [34]).

На постсоветском пространстве исследования трансграничности направлены на поиск моделей взаимодействия на новых постсоветских границах России и «старых» границах, обретших новое качество. Исследования приграничных и трансграничных процессов акцентировали внимание на концептуализации трансграничности и транснациональности [13], поиске драйверов роста приграничных (частью — периферийных [12]) регионов. Значительное внимание (особенно с активизацией торгово-экономических отношений с ЕС с нач. 2000-х гг.) уделено анализу факторов и форм выстраивания трансграничного взаимодействия в формате еврорегионов [4; 20] — на западных границах Российской Федерации, на границах с постсоветскими странами [12; 17], в формате особых экономических зон — на Дальнем Востоке [1], на границе Российской Федерации и Казахстана [9]. Соответствующие исследования

затрагивали спектр и динамику функций государственных границ [9], анализ становления и морфологии транснациональных и трансграничных регионов [3; 20], практик трансграничного взаимодействия [16; 19].

Центро-периферийная организация, связанная с позиционированием центральных и приграничных территорий, и опирающаяся на подходы Дж. Фридмана [28], получила освещение в работах, посвящённых центрам и периферии различного уровня [6].

Проблематика трансграничности в контексте центро-периферийных процессов охватывает тренды центров (как структурных элементов трансграничья [1; 3; 4]), периферийных (часто — приграничных) территорий [9; 10; 12], в числе механизмов развития которых рассматривается формирование трансграничных регионов. Примеры анализа трансграничности как ресурса развития — исследования Северо-Запада Российской Федерации [16; 20], трансграничных процессов на Дальнем Востоке [1].

Поступательное и разностороннее наращивание трансграничного взаимодействия в рамках «морской» экономики Российской Федерации с начала 2000-х гг., развитие отраслей морской специализации и приморских регионов, в т. ч. посредством кластеризации (включая её трансграничный формат [7]), обслуживания обширных хинтерландов, инвестиций ТНК [15] и реализации целого ряда государственных программ и иных стимулирующих развитие управленческих механизмов [5] породили ряд исследований соответствующих форматов регионализации и трансграничного взаимодействия.

Значимым направлением исследований стало трансграничное морское пространственное планирование (МПП) [39]. Трансграничное МПП служит основой для совместного планирования и управления в регионах Балтийского, Северного и Адриатического морей. В приморской зоне Российской Федерации активное строительство новых и расширение существующих портов, рост их грузооборота, формирование кластерных структур на основе «морских» отраслей экономики, освоение Арктики и реконструкция Северного морского пути, усложнение и переформатирование центро-периферийной структуры приморской зоны [1; 20], рост её трансграничного вектора, сделали исследования трансграничной центро-периферийной организации приморских зон сферами перспективного анализа.

Результаты исследования. Трансграничный регион в системе центро-периферийной организации. Центро-периферийная стратификация пространственных систем прочно связана с территориальным разделением труда (ТРТ) и функциональным разделением центра и периферии. ТРТ также выступает прочной основой интеграции пространственных систем. «Модельная» (определяемая ТРТ, основанная на эффективности) пространственная организация, однако, фактически не идентифицируема, подвергаясь возмущению, в т. ч. со стороны государственных границ. Такая функция, причём, не обязательно связана с наличием пограничных кордонов: в ЕС, где границы формально отменены, уровень помощи и административные/законодательные барьеры являются самыми большими барьерами в трансграничном сотрудничестве, (пример такого рода — Альпийско-Адриатический регион ЕС [25]). Открытость и многообразие административных вариантов построения взаимодействия создают также новую барьерность: так, А. L. Sanguin [37] указывает в этой связи на специфические пространственные дисфункции, путаницу, избыточность, чрезмерность и энтропию трансграничных инициатив в ЕС.

Нивелирование разделяющего (барьерного) влияния границ повышает относительную значимость (трансграничного) разделения труда и функционального взаи-

модополнения в центрo-периферийной организации (уменьшение транзакций как критерий уровня трансграничного сотрудничества исследует, например, E. Lange [33]). Однако «отмена» границ не оказывает радикального трансформирующего действия на центрo-периферийную систему, поскольку является лишь одним из факторов её формирования и существования.

Центро-периферийная иерархия устойчива, а её центры обладают определённым потенциалом преодоления границ посредством исходящих информационных, инвестиционных, управленческих потоков и импульсов, реализации технологического лидерства (как это подчёркивали О. В. Грицай, Г. В. Иоффе, А. И. Трейвиш [6]), концентрации функций метрополии.

Для глобальных центров задача преодоления границ в целом малозначима по сравнению с задачей преодоления барьеров в обратном направлении — к таким центрам — со стороны периферии (примеры — торговые тарифные и нетарифные барьеры, миграционные кордоны на границах ЕС).

Центры субглобального и макрорегионального уровня испытывают большее влияние барьерности границ; они более подвержены влиянию центров верхнего или «своего» уровня, взаимодействие с которыми может придать им статус вторичных (примеры последнего — выстраивание иерархии между равно периферийными — в своих странах — областями Российской Федерации и провинциями Китая на Дальнем Востоке Российской Федерации [1], или — соотношение производственных параметров АПК соседствующих аграрных территорий Смоленской области Российской Федерации и сопредельных областей Белоруссии [10]).

Наконец, центры субнационального уровня (и периферия) ограничены в потенциале формирования связей в силу отсутствия влияния на траекторию своего движения и на распоряжение собственными ресурсами. Часть из них является хозяйственными узлами (например, по обслуживанию транзитных торговых потоков). Однако имманентные периферии черты (зависимости) жёстко ограничивают потенциал самостоятельного распоряжения и таким потенциалом как трансграничное взаимодействие, несмотря на почти однозначную трактовку приграничных территорий как бенефициаров трансграничного сотрудничества (которое часто трактуется как ресурс развития периферийного приграничья). Но даже в развитой структуре еврорегионов ЕС отмечаются «внешние» барьеры для развития приграничного сотрудничества, характерные для периферийных регионов [32].

Отметим, что на периферийные территории трансграничное взаимодействие влияет наиболее существенно. Механизм такого влияния состоит в приближении (при росте контактности границы) центрo-периферийного ландшафта к «модельному» (не искажённому барьерным действием границ). Сопутствующее такому приближению «выравнивание» можно трактовать как снятие вносимого границами искажения, однако таковое «выравнивание» не тождественно *уравниванию* индикаторов участвующих в трансграничном обмене территорий, и означает лишь возврат к эффективной (установленной путём рыночного сравнения возможностей обменов) центрo-периферийной организации. Действительно, имеющее место *уравнивание* в распределении населения и производства при снятии барьерности границ можно считать, таким образом, частным случаем *выравнивания* (примеры чего — снижение уровня территориальной концентрации в Восточной Европе после 2-й Мировой войны или выравнивание регионального распределения производительных сил США в XX в. [6]).

Однако часто открытость порождает для периферии относительную утрату позиций (или углубление периферийности) с открытием границ. На менее развитые части трансграничного региона сотрудничество оказывает большее влияние (пример — еврорегион Нейсе (Польша, Чехия, Германия [40]). Как это описывают А. Decoville, F. Durand [27], если открытие границ создаёт новые возможности для одних жителей приграничных регионов, то есть и другие, которым это может не принести пользы.

При этом закрытость стран (сочетающаяся с барьерностью границ) и периферийность часто взаимосвязаны, что, как указывал А. Н. Пилясов [18], превращает приграничные области в периферийные; такая связь прослеживается независимо от экономики: так, А. R. Anuar, A. Harun [22], обсуждая влияние политики безопасности ESSZONE на экономическую деятельность в Тавау и на острове Себатик (Малайзия), делают вывод, что политика безопасности Восточного Сабаха (ESSCOM) оказывает негативное влияние на морскую экономическую деятельность в Тавау и Пулау-Себатик (авторам видится целесообразным поиск баланса целей безопасности и экономических интересов в зависимости от уровня угроз).

Таким образом, можно поставить под вопрос придание приграничному положению (и развитию трансграничных связей), в частности, периферийных территорий, априори статуса ресурса развития. Такие территории могут оказаться вовлечены «через границу» в поле ядра (центра), которое усилит свой статус за счёт «подпитки» ресурсами вновь доступных для освоения (выкачивания ресурсов и квалифицированного персонала [6]) периферий. Что касается обратного потока, то, как подчёркивают Т. Макконен и др. [34], передача знаний и инновационное сотрудничество, например, ЕС и его соседей остаются слабо развитыми.

Таким образом, открытость как таковая не тождественна регионогенезу. Трансграничное взаимодействие, согласно [24], принимает различные формы от интенсивных торговых отношений до вытекающей из этого трансграничной институционализации. Трансграничный регионогенез требует открытости (контактности) границ. Однако таковая является обязательным, но недостаточным условием регионогенеза, как и торговое взаимодействие, которое не требует интеграции (а создаваемая инфраструктура обмена может быть направлена на обеспечение транзита, не оказывая воздействия на развитие приграничья). Напротив, «зрелый» трансграничный регион формируется по мере становления трансграничной *целостности*, которую отличают:

– совместное движение к общим целям, таким как: создание нового продукта, услуги, качества территории; объединение как «инструмент» работы с общими (трансграничными) проблемами (водохозяйственными, экологическими, природопользования, социальными). Так, примеры акцента на экологию — взаимодействие в рамках Дунайского региона ЕС [35], взаимодействие по поводу распределения водных ресурсов на границах Российской Федерации и Казахстана [17]. Единство в рамках созидательной повестки может формироваться комплиментарностью ресурсов трансграничья: такой регион может включать весьма разные по уровню развития и спектру ресурсов территории, которые дополняют друг друга («треугольники» ЮВА, где, например, объединение вокруг Сингапура формирует весьма структурированную и продуктивную трансграничную систему [8]);

– относительная обособленность национальных секторов трансграничного региона в страновом социально-экономическом пространстве, когда приграничные (участвующие в трансграничном взаимодействии) регионы страны А находятся в

более тесном контакте с приграничными регионами страны В, чем прочие регионы страны А;

– формирование значимых устойчивых потоков (товарных, финансовых, миграционных), относительно замкнутых в пределах трансграничного региона,

– формирование общей для трансграничья траектории движения, которая дополняет (корректирует, отклоняет) траекторию, формируемую национальными условиями;

– формирование единой трансграничной системы управления (территориальная организация как система управляющих связей [3]).

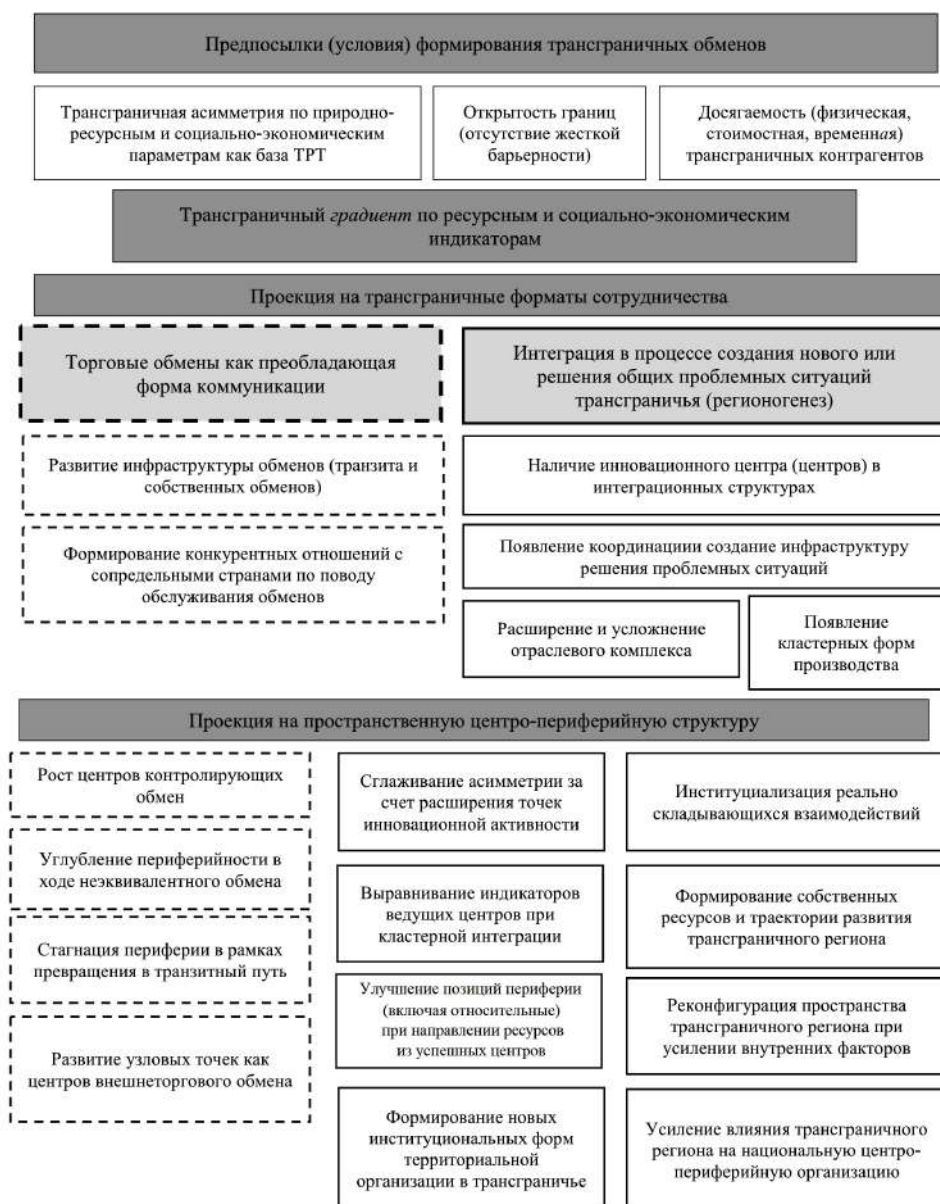
Перечисленные признаки являются своего рода *результатирующими* по отношению к таким условиям трансграничного взаимодействия, как историческая целостность, схожесть физико-географических, демографических и этнических параметров, политика формирования трансграничных регионов (и органов управления ими) и реализация совместных проектов. Признавая важность таких предпосылок, следует отметить, что их наличие не ведёт непременно к трансграничной интеграции. Более того, ни общая история, ни этническое сходство не могут гарантировать от конфликтности соседства, наглядный пример чего — постсоветское пространство.

В целом проекция предпосылок формирования трансграничных обменов на трансграничные форматы сотрудничества и пространственную центрo-периферийную структуру опосредуется трансграничным градиентом по ресурсным и социально-экономическим параметрам (рис.).

Значимой (объективной и устойчивой) предпосылкой взаимодействия служит трансграничный градиент (по индикаторам ресурсной обеспеченности, социально-экономического положения), порождающий направленное трансграничное взаимодействие. Градиент как предпосылку интеграции и формирования трансграничной системы в хозяйственной сфере можно определить как *разницу в обеспеченности теми или иными ресурсами в сочетании с возможностью их трансграничного перемещения с целью их экономически эффективного (с учётом транзакционных издержек перемещения и преодоления границ) использования*.

Градиент порождает потоки в рамках разделения труда. При этом *возможность* перемещения ресурсов является ключевым условием: в условиях «железного занавеса», санкций, физической недоступности перемещения поток как реакция на градиент не может возникнуть и/или принять устойчивый характер. Будучи пружиной, запускающей трансграничное «выравнивание», градиент, тем не менее, не «запускает» автоматическое развитие по обе стороны границы. Пример такого рода — структура (весьма активного) экспорта и импорта СЭЗ Китая на границах с Россией: если в экспорте Российской Федерации значимо представлена древесина, то в экспорте приграничных СЭЗ Китая — готовая продукция (в т. ч. деревообработки) с высокой добавленной стоимостью [14].

Движение в направлении формирования трансграничного региона можно назвать объективным процессом (даже в отсутствии интегрирующих усилий государств). В частности, такие связи могут преодолевать формируемые государствами барьеры на границах, пример чего — длительное, прослеженное, в частности, А. А. Киреевым [11] соразвитие форм контроля за торговыми обменов населения на границах Российской Федерации и Китая и способов обхода ограничений.

Рис. Предпосылки и проекции трансграничного градиента по ресурсным и социально-экономическим индикаторам (составлен автором по материалам исследования)

Fig. Background and projections of the transboundary gradient in terms of resource and socio-economic indicators (compiled by the author based on the research materials)

Однако отметим, что такого рода игнорирующего или «преодолевающего» государство взаимодействия недостаточно для полноценного трансграничного регионогенеза в условиях контролирующих функций государств. Собственно, «границы» остаются атрибутом государств (которые могут мгновенно и радикально повысить барьерность границ, что продемонстрировано в ответ на миграционный

кризис 2015 г., пандемию COVID-19 [23] в 2020 г. и вооружённый конфликт России и Украины в 2022 г.). Но, даже в отсутствие экстремальных обстоятельств и в условиях весьма широкой открытости, вплоть до начала 2000-х гг. в ЕС сохранялись институциональные препятствия трансграничной мобильности компаний [21]; так, только в 2018 г. Еврокомиссия предприняла меры для упрощения процедур работы компаний на Едином рынке.

Предпосылки идентификации и центрo-периферийного структурирования трансаквального трансграничного регионогенеза. Открытость экономики Российской Федерации привела к отладке новых торговых связей, формированию практик трансграничного взаимодействия, усилению позиций приморских центров (С.-Петербург), развитию приморских узлов в Калининградской области, на Дальнем Востоке (Владивосток) и в Краснодарском крае (Новороссийск, Туапсе). Сформировались цепочки портов, ориентированные на экспорт (порты Кубани и Ленинградской области, Приморского края и Сахалина).

В перспективе трансаквальный регионогенез в условиях протяжённой морской линии Российской Федерации, притяжения населения и экономики к российским побережьям, позитивной динамики приморских хозяйственных центров является значимым вектором трансграничного регионогенеза, который, с учётом фактора приморскости, имеет свои особенности.

Прежде всего, контактность морского сообщения значимо шире, чем для сухопутных границ. Этому способствует невозможность выстраивания всеохватывающей барьерности для контактов посредством моря (барьерность в одном направлении может быть преодолена перенаправлением потоков по морю в порты других стран).

Морское сообщение значительно расширяет круг контрагентов, обмена с которыми могут быть эффективны как по времени, так и по стоимости, реализуя отмеченное ранее явление [6], при котором места, оставаясь на своих широтах и долготах, съезжаются благодаря развитию связей (имплозия по П. Хаггету). Причиной этого в рассматриваемом контексте служит маневренность и дешевизна морского сообщения по сравнению с сухопутным, согласно детального анализа В. Л. Безрукова [2].

Приморские территории с развитой портовой инфраструктурой реализуют обмена не только собственных продуктов, но обслуживают и экспорт и импорт обширных хинтерландов, что стимулирует развитие инфраструктуры (портов, путей сообщения, логистики) более значительное, чем требует производственная структура собственно приморских регионов, формируя центральное (или узловое) положение приморских городов.

В то же время, проецируя на приморские регионы принципы идентификации трансграничного регионогенеза, следует отметить, что морская торговля не является достаточным условием последнего. О трансграничном (трансаквальном) регионогенезе можно говорить при условии интеграции в рамках совместных долгосрочных взаимодействий, либо в ситуации совместного решения общих проблем.

Пример «зрелого» трансаквального взаимодействия демонстрирует сотрудничество стран Балтийского бассейна (Регион Балтийского моря стал испытательным полигоном ЕС для международного сотрудничества, как отмечает Т. Studzieniecki [38], а одной из форм интеграции стали трансграничные (трансаквальные) кластеры [7]). Зрелость Балтики как трансграничного региона подтверждается и относительным замыканием в рамках бассейна деятельности и инвестиций ТНК [15].

Также пример такого рода демонстрирует объединение в рамках «треугольников» в Юго-Восточной Азии [8].

При этом, несмотря на возможность расширения контактов посредством моря до глобального уровня, сохраняет значимость закон близкодействия У. Тоблера: всё влияет на всё, но то, что ближе, влияет сильнее. Справедливо отмечалось нивелирование этого закона для информационной эпохи [6]. Однако стоит отметить сохранение важности фактора расстояний для трансаквального регионогенеза: так, формирование его зрелых форм характерно для близко расположенных побережий. Вариантами такой близости выступают либо расположение вокруг сравнительно небольших морских акваторий (Балтика, Южно-Китайское море), либо «соседское» расположение на одной береговой линии, пример чего — Российская Федерация, Япония и Китай (Японское море). Такое положение позволяет формировать сети значительной плотности (в т. ч. в рамках проектного взаимодействия) или взаимодействовать по поводу экологических проблем. Здесь можно упомянуть объединяющее действие решения общих проблем на Балтике (экологическая ситуация) или в Японском море (проблема управления рыбными ресурсами).

Напротив, регионоформирующего эффекта лишены взаимодействия стран, разделённых значительными морскими пространствами. Так, удалённость, которая отчасти (не всегда) увязана с формированием культурных и институциональных отличий, может продуцировать низкую эффективность попыток выстраивания трансаквального взаимодействия. Пример такого рода — двойственные результаты программы приграничного сотрудничества между Италией и Тунисом из-за различных асимметрий и отсутствия надлежащего многоуровневого управления [26].

Кроме того, для трансокеанических группировок характерны соглашения прежде всего национального уровня в области, например, обороны (NATO, AUCUS), или экономики (ASEAN, трансокеанические соглашения США и КНР).

Значительный потенциал, обеспечиваемый широтой трансаквальных связей, формирует и поддерживает центральность приморских городов и мегаполисов. Так, значительность инфраструктуры морского сообщения обеспечивается инвестициями в отрасли морехозяйственного комплекса. Концентрация инвестиций и морских товарных потоков, в свою очередь, служат фактором притяжения населения и сопутствующей экономической активности, поддерживая талассоаттрактивность как глобальное явление.

Приморское положение определяет потенциал развития и формирования узловых функций, что в условиях Российской Федерации продемонстрировали в 2000-х гг. приморские центры Черноморского, Балтийского и Тихоокеанского бассейнов.

Морское положение также позволило с развитием экспорта сформировать центры глобального уровня в приморских провинциях КНР; характерно, что китайские СЭЗ в приморских регионах демонстрируют безоговорочное преимущество по сравнению с континентальными СЭЗ (в частности, на границах с Российской Федерацией) [14]. Наличие морских центров в условиях открытых обменов формирует устойчивую центрально-периферийную структуру национального уровня, где приморские центры становятся регионоформирующими на национальном и мезоуровне.

В ситуации развития экономических, инновационных, производственных функций приморских центров в сочетании с позиционными условиями самих акваторий (закон близкодействия) создаются условия трансаквального взаимодействия и включения приморских центрально-периферийных структур в трансграничное тран-

саквальное взаимодействие, что порождает задачу анализа и мониторинга соответствующих трансформаций.

Прототип системы мониторинга центрo-периферийной динамики в «морских» трансграничных регионах: основные разделы и индикаторы. Центрo-периферийная структуризация как в потенциальных, так и в формирующихся «морских» трансграничных регионах, будучи следствием многостороннего взаимодействия посредством морских акваторий и включения (в случае трансаквальной регионализации) в трансграничные регионы служит фактором трансформации центрo-периферийной системы. Мониторинг соответствующих процессов, как следствие, имеет объектами:

– центрo-периферийную организацию (включая позиции приморских субъектов в социально-экономической системе страны и динамику изменения таковых позиций);

– уровни концентрации и периферизации в морехозяйственном комплексе как основу выработки мер максимизации использования ресурсов «морских» видов деятельности;

– масштабы и факторы пространственных сдвигов в «морском» взаимодействии страны в ключевых акваториях как инструмент идентификации и «расшивки» узких мест в использовании морехозяйственного потенциала;

– институциональные, хозяйственные и иные предпосылки потенциального трансграничного трансаквального регионоформирования по ряду стратегических бассейновых направлений.

Система мониторинга центрo-периферийной динамики в «морских» трансграничных регионах призвана информационно обеспечить достижение обозначенных целей. Для реализации таких задач целесообразно формирование ряда разделов и индикаторов системы мониторинга, представленных в таблице 1 в укрупнённом виде; в таблице 2 приведён пример (не исчерпывающий — ввиду ёмкости перечня) отдельных индикаторов ключевых бассейнов трансграничного взаимодействия Российской Федерации (Азово-Черноморского, Балтийского, Тихоокеанского).

Таблица 1

Структура системы мониторинга центрo-периферийной динамики в потенциальных и формирующихся «морских» трансграничных регионах*

Table 1

The structure of the system for monitoring the center-periphery dynamics in potential and emerging “marine” transboundary regions*

Раздел	Блок естественно-географических индикаторов	Блок социально-экономических индикаторов	Блок индикаторов трансаквального взаимодействия
Центро-периферийный анализ (анализ приморских центров)	Концентрация путей сообщений, природные возможности развития портов и морехозяйственных отраслей.	Институциональные функции (столица, центр региона), отраслевая структура, потенциал/формы кластеризации, уровни концентрации и специализации в «морских» отраслях, инновационный и инвестиционный статус, динамика положения в хозяйственной системе, широта хинтерландов.	Статус центров наиболее активного трансграничного контакта, изменение их положения в среднесрочной ретроспективе (население, объемы производства, перевалки грузов), торговые специализации и позиции во взаимодействии в морском бассейне/Мировом океане.

Оценка трансграничного взаимодействия	Расстояния между портами бассейна, ранги/статус портов и их иерархия.	Градиенты между странами бассейна/трансаквальными контрагентами по демографическим, социально-экономическим индикаторам. Активность судоходства в бассейне, сравнительные мощности портов, показатели вылова рыбных ресурсов, добычи на шельфе, судостроения и судоремонта. Доля M&A и ПИИ ТНК, производственных цепочек и обменов, замкнутых рамками бассейна. Временные и стоимостные параметры достижения центров бассейна из ключевых портов. Трансграничные связи в морехозяйственных отраслях.	Индикаторы связности портов Членство в соглашениях о торговле и взаимодействии между странами бассейна, наличие трансграничных СЭЗ, ОЭЗ, иных форм кооперации. Наличие кластерных соглашений и инициатив рыночных компаний. Наличие и функционал трансграничных органов управления стран бассейна. Число акторов трансграничных проектов. Сумма и доля инвестиций в трансграничные проекты в бассейне.
---------------------------------------	---	--	---

* составлено автором по материалам исследования

Таблица 2

Отдельные индикаторы центрo-периферийности значимых центров трансграничных бассейнов Российской Федерации*

Table 2

Selected indicators of the center-periphery of significant centers of transboundary basins of the Russian Federation*

Индикатор	Бассейны и центры					
	Азово-Черноморский		Балтийский		Тихоокеанский	
	Новороссийск	Туапсе	С.-Петербург	Калининград	Владивосток	Находка
<i>Центро-периферийные индикаторы</i>						
Численность населения, тыс. чел., 2021	275,8	61,0	5384,3	493,3	600,9	139,9
Грузооборот порта в 2021 г., млн т.	142,8	24,7	62,0	10,7	29,6	26,8
Площадь акватории порта (кв. км) и максимальная осадка при заходе в порт (м)	344/19	25,2/15	617/11 (БП СПб.)	21,3/ 9,6	131,1/ 18	127,4/ 11,5
Пропускная способность терминалов (наливные, сухие — млн т/год; контейнеры — тыс. TEU/год)	159,8/40,7/ 1114,0	27,0/ 11,5/–	19,0/32,6/ 5348,1	13,4/21,9/ 802,0	3,3/7,0/ 951,2	7,8/24,8/ 97,5

Административный ранг центра (федеральный (Ф)/ региональный(Р)/ субрегиональный (СР))	СР	СР	Ф	Р	Р	СР
Специализированные инновационные режимы	Индустриальный парк «Новороссийск»	–	Технопарки (действующие): «Агробизнестехнопарк», «Куб А», «Ленполиграфмаш», «Нарвский», «РотФронт», «Смолеенка», «Технополис Пулково»	Промпарки: Балтийский, Штальверк, Ноухаузен, Данор; Технопарк «Калининград»	Технопарк «Русский»	–
Действующие стимулы инвестиций и инновационного развития	–	–	ОЭЗ ТВТ «С.-Петербург»	Спец. адм. район	Свободный порт Владивосток; Специальный адм. р-н; Инновационный научно-технологический центр; ТОР	Свободный порт Владивосток; ТОР
Динамика доли в населении «своего» региона в 2010 г., %/ 2020 г.,%	4,6/4,8	1,2/1,1	(100 %)	4,6/4,8	30,3/32,0	8,2/7,7
Индикаторы трансграничного взаимодействия						
Среднее расстояние до основных иностранных портов бассейна, мор. миль (море)	462 (Чёрное)	464 (Чёрное)	516 (Балтийское)	331 (Балтийское)	1055 (Японское, Жёлтое, Восточно-Китайское)	995 (Японское, Жёлтое, Восточно-Китайское)
Активность порта (прибытий, 1 мес., среднее, ед./день. 07–08.2022)	69	13	88	4	58	20
Число консульств стран мира, ед.	2	–	55	12	23	2

*составлено автором по данным Госкомстата Российской Федерации (gks.ru), ЮНКТАД (unctad.org), порталов: <https://morport.com/>, <https://www.rosmorport.ru>, <https://russiaindustrialpark.ru/>, <https://www.marinetraffic.com> и <http://ports.com>, и материалам исследования.

Система мониторинга может характеризоваться как организационная система по сбору, обработке и анализу информации. Однако ключевым аспектом её организации является содержательная структура, включающая блоки:

- анализа центрo-периферийных процессов;
- анализа факторов, параметров и трендов трансграничного взаимодействия.

Мониторинг центрo-периферийных процессов включает индикаторы приморских центров (наличие центральных или узловых функций, ареал притяжения, динамика позиций). Внимание преимущественно центрам и узлам морской активности объясняется потенциалом формирования ими трансаквальных связей как основы трансаквального регионогенеза.

Оценка трансграничного взаимодействия призвана дать представление (по бассейновому принципу) о предпосылках и формах трансграничного взаимодействия (и оценить степень движения в этом направлении). Раздел включает оценку потенциала взаимодействия, что предполагает анализ градиентов по ключевым ресурсным и демографо-экономическим направлениям.

Аналитическими результатами системы мониторинга служат заключения относительно прогнозной динамики центрo-периферийной организации с учётом трансграничного трансаквального регионоформирования. Выводы для системы государственного и отраслевого менеджмента ориентированы на рекомендации по формированию стимулов трансграничных связей, анализ рисков (и мер их нивелирования) развития морехозяйственного комплекса как актора трансаквальной регионализации.

Выводы. Развитие стран и регионов всё в больше мере использует механизм трансрегионализации. Устранение барьерности границ позволяет вернуться к оптимальному (с точки зрения эффективности распределения ресурсов) разделению труда. Однако открытость границ в разной мере и по-разному влияет на траектории развития центров и периферии. Если для центров она может не иметь большого значения, то для периферии она может означать как развитие, так и погружение в еще большую периферийность.

При этом открытость является условием реализации трансграничных градиентов как ключевого фактора взаимодействия. Вместе с тем, таковое может иметь форму лишь торговли или транзитного обслуживания потоков, а не регионогенеза. Собственно же трансграничными регионами можно признать таковые в ситуации формирования таких их черт как: совместное движение к общим целям или совместное решение общих проблем; относительная обособленность национальных секторов трансграничного региона в страновом социально-экономическом пространстве; формирование значимых устойчивых относительно замкнутых в пределах трансграничного региона потоков; формирование общей для трансграничья траектории движения, единой трансграничной системы управления.

Приморское положение как фактор становления трансаквальных трансграничных регионов формирует особенности регионогенеза за счёт: большей вариативности контактов, большего их объёма (за счёт транзита), концентрации инвестиций (ввиду капиталоемкости «морских» отраслей). В России морская экономика стала триггером усиления ряда прежних приморских центров и формирования новых узлов приморской активности в ключевых морских бассейнах (Чёрное, Балтийское моря, Тихоокеанский бассейн). Анализ соответствующих центрo-периферийных процессов может основываться на системе мониторинга, включающей блоки индикаторов для

анализа (центро-периферийных процессов, факторов, параметров и трендов трансграничного взаимодействия) и являющейся основой решений системы государственного и отраслевого менеджмента в сфере формирования стимулов трансграничных связей, управления рисками и перспективами развития морехозяйственного комплекса и трансаквального регионогенеза.

Литература

1. *Бакланов П. Я., Новиков А. Н., Новикова М. С.* Влияние трансграничности на территориальные структуры Приморского края России и сопредельных территорий // Учёные записки Казанского университета. Серия: Естественные науки. 2018. Т. 160. № 1. С. 162–177.
2. *Безруков Л. А.* Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск: Гео. 2008. 256 с.
3. *Волынчук А. Б.* Трансграничный регион: теоретические основы геополитического исследования // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 4 (8). С. 49–55.
4. *Галазова С. С., Панфилова Е. А., Биганова М. А.* Сравнительный анализ европейского и российского трансграничного регионализма // Фундаментальные исследования. 2014. № 11–9. С. 2003–2009.
5. *Гонтарь Н. В.* Морехозяйственный комплекс России: организационно-институциональные проблемы реализации мер развития (на примере государственных программ) // Экономико-управленческий конгресс. Сборник статей по материалам Международного научно-практического мероприятия. Белгород, 2020. С. 104–109.
6. *Грицай О. В., Иоффе Г. В., Трейвиш А. И.* Центр и периферия в региональном развитии. М.: ИГ РАН. 1991. 168 с.
7. *Дружинин А. Г., Горочная В. В., Гонтарь Н. В., Дец И. А., Лачининский С. С., Михайлов А. С.* Трансграничные кластеры в приморских зонах европейской части России: инвентаризация, типологизация, идентификация факторов и перспектив развития // Балтийский регион. 2017. Т. 9. № 4. С. 29–44.
8. *Иванова И. С.* Малаккский пролив: формирование международного экономического региона // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2013. № 20. С. 76–91.
9. *Карпенко М. С., Колосов В. А., Себенцов А. Б.* Трансформация российско-казахстанского пограничья в постсоветский период: институциональное и экономическое измерения // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 5 (68). С. 25–40.
10. *Катровский А. П., Ридевский Г. В.* Пространственная экономическая асимметрия как фактор развития российско-белорусского трансграничного региона // Региональные исследования. 2013. № 3 (41). С. 128–136.
11. *Киреев А. А.* Специфика дальневосточной границы России: теория и история // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009. № 2 (9). С. 70–82.
12. *Колосов В. А.* Кризис в отношениях между Россией и Украиной и его влияние на трансграничные взаимодействия // Актуальные проблемы мировой политики. Ежегодный альманах. СПб., 2020. С. 444–464.
13. *Корнеевец В. С.* Международные транснациональные и трансграничные регионы: признаки, особенности, иерархия // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. № 1. С. 27–34.
14. *Костюнина Г. М., Баронов В. И.* Трансграничные свободные экономические зоны в зарубежных странах (на примере Китая) // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 2 (17). С. 169–178.
15. *Кузнецов А. В.* Трансграничная корпоративная интеграция в Балтийском регионе // Балтийский регион. 2012. № 1 (11). С. 17–26.
16. *Межевич Н. М.* Приграничное сотрудничество: теория и российская региональная практика // Южно-Российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2011. № 1 (2). С. 24–33.
17. *Осмоловская Л. Г.* Типология российских приграничных регионов по степени развития трансграничных связей // Региональные исследования. 2016. № 1 (51). С. 126–135.
18. *Пилясов А. Н.* Новая экономическая география (НЭГ) и её потенциал для изучения размещения производительных сил России // Региональные исследования. 2011. № 1 (31). С. 3–31.
19. *Понкратова Л. А.* Трансграничные обмены и взаимодействие приграничных регионов России и Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 6. С. 99–115.

20. *Фёдоров Г. М.* Проблемы трансграничного регионообразования в российских регионах на Балтике // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2016. № 5. С. 82–92.
21. *Aksamovic D., Simunovic L., Kuna I.* Cross border movement of companies: the new EU rules on cross border conversion // EU and member states — legal and economic issues. International Scientific Conference on EU and Member States — Legal and Economic Issues. 2019. No. 943. P. 345–354.
22. *Anuar A. R., Harun A.* Malaysia-Indonesia cross-border governance: Is there a trade-off between security and economic development? // Journal of International Studies. 2019. No. 15. P. 21–34.
23. *Bohm H.* Five Roles of Cross-border Cooperation Against Re-bordering // Journal Of Borderlands Studies. 2021. No. 23 Jul. <https://doi.org/10.1080/08865655.2021.1948900>.
24. *Brunet-Jailly E.* Cross-border cooperation: a global overview // Alternatives 2022. Vol. 47. Iss. 1. No. 3. P. 245–260. <https://doi.org/10.1177/03043754211073463>.
25. *Cankar S. S., Seljak J., Petkovsek V.* Factors that influence cross-border cooperation between businesses in the Alps-Adriatic region // MIMBAR: Jurnal Sosial dan Pembangunan. 2019 Vol. 3. No. 10/E/KPT/2019. <https://doi.org/10.29313/mimbar.v0i0.9422>.
26. *Celata F., Coletti R., Stocchiero A.* Neighborhood Policy, Cross-border Cooperation and the Re-bordering of the Italy-Tunisia Frontier // Journal of Borderlands Studies. 2016. Vol. 32. Iss. 3. <https://doi.org/10.1080/08865655.2016.1222872>.
27. *Decoville A., Durand F.* Exploring cross-border integration in Europe: How do populations cross borders and perceive their neighbours? // European Urban and Regional Studies. 2019. Vol. 26. Iss. 2. <https://doi.org/10.1177/0969776418756934>.
28. *Friedmann J.* Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. MIT Press. 1966. 279 p.
29. *Harguindeguy J. B., Sanchez A. S.* European Cross-Border Regions as Policy-makers: A Comparative Approach // Journal of Borderlands Studies. 2017. Vol. 32 (2). P. 249–265. <https://doi.org/10.1080/08865655.2016.1195706>.
30. *Johnson C. M.* Cross-border regions and territorial restructuring in central Europe room for more transboundary space // European urban and regional studies. 2009. Vol. 16 Iss. 2. P. 177–191. <https://doi.org/10.1177/0969776409102190>.
31. *Kaucic J., Sohn C.* Mapping the cross-border cooperation 'galaxy': an exploration of scalar arrangements in Europe // European Planning Studies. 2021. No. 10 May. <https://doi.org/10.1080/09654313.2021.1923667>.
32. *Kurowska-Pysz J., Castanho R. A. Gomez, JMN* Cross-border cooperation — the barriers analysis and the recommendations // Polish Journal of Management Studies. 2018. No. 17 (2). P. 32–38.
33. *Lange E.* Cross-border Cooperation in Action: Taking a Closer Look at the Galicia-North of Portugal European Grouping of Territorial Cooperation // Journal of borderlands studies. 2018. Vol. 33. Iss. 3.
34. *Makkonen T., Williams A. M., Weidenfeld A., Kaisto V.* Cross-border knowledge transfer and innovation in the European neighbourhood: Tourism cooperation at the Finnish-Russian border // Tourism Management. 2018. Vol. 68. No. Oct. P. 140–151.
35. *Maslov Y.* The EU strategy for the Danube region as an inclusive form of cross-border economy // Baltic Journal Of Economic Studies. 2018. Vol. 4. No. 5. P. 200–208. OI. <https://doi.org/10.30525/2256-0742/2018-4-5-200-208>.
36. *Molema M.* Bright Ideas, Thick Institutions. Post-industrial Development Theories as Drivers of Cross-border Cooperation // Journal Of Borderlands Studies. 2018. Vol. 36. Iss. 1. <https://doi.org/10.1080/08865655.2018.1496467>.
37. *Sanguin A. L.* Euroregions and other EU's cross-border organizations: the risk of confusion, redundancy, oversizing and entropy. A critical assessment // Annales. Ser. hist. sociol. 2013. Vol. 23. No 1. P. 155–164.
38. *Studzieniecki T.* The development of cross-border cooperation in an EU macroregion — a case study of the Baltic Sea Region // Procedia Economics and Finance. 2016. Vol. 39. P. 235–241. [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(16\)30318-5](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(16)30318-5).
39. *Van Tatenhove J. P. M.* Transboundary marine spatial planning: a reflexive marine governance experiment? // Journal Of Environmental Policy & Planning. 2017. Vol. 19 Iss. 6. P. 783–794. <https://doi.org/10.1080/1523908X.2017.1292120>.
40. *Zdrzil P., Kozun-Cieslak G.* The importance of cross-border cooperation on regional development: evidence from the Euroregion Neisse // Proceedings of the 11th International Scientific Conference Public Administration. 2016. P. 302–309.

References

1. Baklanov P. Ya., Novikov A. N., Novikova M. S. (2018), The influence of transboundary on the territorial structures of the Primorsky Territory of Russia and adjacent territories, *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Yestestvennyye nauki*, vol. 160, no. 1, pp. 162–177. (In Russ.).
2. Bezrukov L. A. (2008), *Continental-oceanic dichotomy in international and regional development*, Novosibirsk, Geo, 256 p. (In Russ.).
3. Volynchuk A. B. (2009), Cross-border region: theoretical foundations of geopolitical research, *Gumani-tarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 4 (8), pp. 49–55. (In Russ.).
4. Galazova S. S., Panfilova E. A., Biganova M. A. (2014), Comparative analysis of European and Russian transboundary regionalism, *Fundamental'nyye issledovaniya*, no. 11–9, pp. 2003–2009. (In Russ.).
5. Gontar N. V. (2020), Marine economic complex of Russia: organizational and institutional problems of implementing development measures (on the example of state programs), *Ekonomiko-upravlencheskiy kongress. Sbornik statey po materialam Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo meropriyatiya*, Belgorod, pp. 104–109 (In Russ.).
6. Gritsai O. V., Ioffe G. V., Treivish A. I. (1991), Center and periphery in regional development, Moscow, IG RAN, 168 p. (In Russ.).
7. Druzhinin A. G., Gorochnaya V. V., Gontar N. V., Dets I. A., Lachininsky S. S., Mikhailov A. S. (2017), Cross-border clusters in the coastal zones of the European part of Russia: inventory, typology, identification of factors and development prospects, *Baltic region*, vol. 9. no. 4. pp. 29–44. (In Russ.).
8. Ivanova I. S. (2013), The Strait of Malacca: Formation of an International Economic Region, *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, no. 20, pp. 76–91. (In Russ.).
9. Karpenko M. S., Kolosov V. A., Sebentsov A. B. (2021). Transformation of the Russian-Kazakh borderland in the post-Soviet period: institutional and economic dimensions, *Problemy natsional'noy strategii*, no. 5 (68), pp. 25–40. (In Russ.).
10. Katrovsky A. P., Ridevsky G. V. (2013), Spatial economic asymmetry as a factor in the development of the Russian-Belarusian transboundary region, *Regional'nyye issledovaniya*, no. 3 (41), pp. 128–136. (In Russ.).
11. Kireev A. A. (2009), Specificity of the Far Eastern border of Russia: theory and history, *Oykumena. Regionovedcheskiye issledovaniya*, no. 2 (9), pp. 70–82. (In Russ.).
12. Kolosov V. A. (2020), The crisis in relations between Russia and Ukraine and its impact on cross-border interactions, *Aktual'nyye problemy mirovoy politiki. Yezhegodnyy al'manakh*, St. Petersburg, pp. 444–464. (In Russ.).
13. Korneevets V. S. (2010), International transnational and transboundary regions: signs, features, hierarchy, *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta*, no. 1, pp. 27–34. (In Russ.).
14. Kostyunina G. M., Baronov V. I. (2011), Cross-border free economic zones in foreign countries (on the example of China), *Vestnik MGIMO Universiteta*, no. 2 (17), pp. 169–178. (In Russ.).
15. Kuznetsov A. V. (2012), Cross-border corporate integration in the Baltic region, *Baltic region*, no. 1 (11), pp. 17–26. (In Russ.).
16. Mezhevich N. M. (2011), Cross-border cooperation: theory and Russian regional practice, *Yuzhno-Rossiyskiy forum: ekonomika, sotsiologiya, politologiya, sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya*, no. 1 (2), pp. 24–33. (In Russ.).
17. Osmolovskaya L. G. (2016), Typology of Russian border regions according to the degree of development of cross-border relations, *Regional'nyye issledovaniya*, no. 1 (51), pp. 126–135. (In Russ.).
18. Pilyasov A. N. (2011), New economic geography (NEG) and its potential for studying the location of Russia's productive forces, *Regional'nyye issledovaniya*, no. 1 (31), pp. 3–31. (In Russ.).
19. Ponkratova L. A. (2010), Cross-border exchanges and interaction between the border regions of Russia and China, *Problemy Dal'nego Vostoka*, no. 6, pp. 99–115. (In Russ.).
20. Fedorov G. M. (2016), Problems of cross-border regional formation in the Russian regions in the Baltic, *Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Assotsiatsii rossiyskikh geografov-obshchestvovedov*, no. 5. pp. 82–92. (In Russ.).
21. Aksamovic D., Simunovic L., Kuna I. (2019), Cross border movement of companies: the new EU rules on cross border conversion, *EU and member states – legal and economic issues. International Scientific Conference on EU and Member States – Legal and Economic Issues*, no 943, pp. 345–354.
22. Anuar A. R., Harun A. (2019), Malaysia-Indonesia cross-border governance: Is there a trade-off between security and economic development?, *Journal of International Studies*, no 15, pp. 21–34.
23. Bohm H. (2021), Five Roles of Cross-border Cooperation Against Re-bordering, *Journal Of Borderlands Studies*, no 23 Jul. <https://doi.org/10.1080/08865655.2021.1948900>.

24. Brunet-Jailly E. (2022), Cross-border cooperation: a global overview, *Alternatives*, vol. 47, iss. 1, no. 3, pp. 245–260. DOI: 10.1177/03043754211073463.
25. Cankar S. S., Seljak J., Petkovsek V. (2019), Factors that influence cross-border cooperation between businesses in the Alps-Adriatic region, *MIMBAR: Jurnal Sosial dan Pembangunan*, vol. 3, no. 10/E/KPT/2019. <https://doi.org/10.29313/mimbar.v0i0.9422>.
26. Celata F., Coletti R., Stocchiero A. (2016), Neighborhood Policy, Cross-border Cooperation and the Re-bordering of the Italy-Tunisia Frontier, *Journal of Borderlands Studies*, vol. 32, iss. 3. <https://doi.org/10.1080/08865655.2016.1222872>.
27. Decoville A., Durand F. (2019), Exploring cross-border integration in Europe: How do populations cross borders and perceive their neighbours?, *European Urban and Regional Studies*, vol. 26, iss. 2. <https://doi.org/10.1177/0969776418756934>.
28. Friedmann J. (1966), *Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela*, MIT Press, 279 p.
29. Harguindeguy J. B., Sanchez A. S. (2017), European Cross-Border Regions as Policy-makers: A Comparative Approach, *Journal of Borderlands Studies*, vol. 32 (2), pp. 249–265. <https://doi.org/10.1080/08865655.2016.1195706>.
30. Johnson C. M. (2009), Cross-border regions and territorial restructuring in central Europe room for more transboundary space, *European urban and regional studies*, vol. 16, iss. 2, p. 177–191. <https://doi.org/10.1177/0969776409102190>.
31. Kaucic J., Sohn C. (2021), Mapping the cross-border cooperation 'galaxy': an exploration of scalar arrangements in Europe, *European Planning Studies*, no. 10 May. <https://doi.org/10.1080/09654313.2021.1923667>.
32. Kurowska-Pysz J., Castanho R. A. (2018), Gomez, JMN Cross-border cooperation — the barriers analysis and the recommendations, *Polish Journal of Management Studies*, no 17(2), pp. 32–38.
33. Lange E. (2018), Cross-border Cooperation in Action: Taking a Closer Look at the Galicia-North of Portugal European Grouping of Territorial Cooperation, *Journal of borderlands studies*, vol. 33, iss. 3.
34. Makkonen T., Williams A. M., Weidenfeld A., Kaisto V. (2018), Cross-border knowledge transfer and innovation in the European neighbourhood: Tourism cooperation at the Finnish-Russian border, *Tourism Management*, vol. 68. no. Oct., pp. 140–151.
35. Maslov Y. (2018), The EU strategy for the Danube region as an inclusive form of cross-border economy, *Baltic Journal Of Economic Studies*, vol. 4, no. 5, pp. 200–208. OI. <https://doi.org/10.30525/2256-0742/2018-4-5-200-208>.
36. Molema M. (2018), Bright Ideas, Thick Institutions. Post-industrial Development Theories as Drivers of Cross-border Cooperation, *Journal Of Borderlands Studies*, vol. 36, iss. 1. <https://doi.org/10.1080/08865655.2018.1496467>.
37. Sanguin A. L. (2013), Euroregions and other EU's cross-border organizations: the risk of confusion, redundancy, oversizing and entropy. A critical assessment, *Annales, Ser. hist. social*, vol. 23, no 1, pp. 155–164.
38. Studzieniecki T. (2016), The development of cross-border cooperation in an EU macroregion – a case study of the Baltic Sea Region, *Procedia Economics and Finance*, vol. 39, pp. 235–241. [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(16\)30318-5](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(16)30318-5).
39. Van Tatenhove J. P. M. (2017), Transboundary marine spatial planning: a reflexive marine governance experiment?, *Journal Of Environmental Policy & Planning*, vol. 19, iss. 6. pp. 783–794. <https://doi.org/10.1080/1523908X.2017.1292120>.
40. Zdrzil P., Kozun-Cieslak G. (2016), The importance of cross-border cooperation on regional development: evidence from the Euroregion Neisse, *Proceedings of the 11th International Scientific Conference Public Administration*, pp. 302–309.

Сведения об авторе

Гонтарь Николай Владимирович — кандидат географических наук, доцент Высшей школы бизнеса Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: passat01@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7310-1828

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57196478538>

About the author

Dr **Nikolay Gontar**, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

E-mail: passat01@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7310-1828

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57196478538>

Поступила в редакцию 01.09.2022 г.

Поступила после доработки 06.10.2022 г.

Статья принята к публикации 10.11.2022 г.

Received 01.09.2022.

Received in revised form 06.10.2022.

Accepted 10.11.2022.